

Вадим Панов

Дикая стая

Часть сборника
Таганский перекресток (сборник)

Вадим Панов

Дикая стая

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2006

Панов В. Ю.

Дикая стая / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2006

ISBN 5-699-09094-0

«На столе передо мной лежит овальный золотой медальон размером с детскую ладошку. Он тусклый и потертый, он истончается к краям, словно прошедшая через сотни рук и кошельков монета, что странно, ибо, несмотря на то что нет цепочки, – я оборвал ее и не стал искать – медальон всегда носили на груди. И еще на нем появились шрамы: несколько глубоких царапин и сотни маленьких. Он потерял блеск...»

ISBN 5-699-09094-0

© Панов В. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

© Панов Вадим, 2006

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Вадим Панов

Дикая стая

На столе передо мной лежит овальный золотой медальон размером с детскую ладошку. Он тусклый и потертый, он истончается к краям, словно прошедшая через сотни рук и кошельков монета, что странно, ибо, несмотря на то что нет цепочки, – я оборвал ее и не стал искать – медальон всегда носили на груди. И еще на нем появились шрамы: несколько глубоких царапин и сотни маленьких. Он потерял блеск.

Этот медальон не мог остаться гладеньким и блестящим – он слишком много видел.

В самом центре золотого овала изображен человек с копьем. Не воин, если вы вдруг подумали – охотник. Об этом говорит его костюм, в котором не нашлось места рыцарским доспехам или еще какому-нибудь боевому снаряжению: обычная суконная одежда и шапка. По современным меркам картинка выполнена весьма грубо, но медальон делали почти полторы тысячи лет назад, и в те времена он наверняка считался образцом тончайшей ювелирной работы.

В нижней части медальона надпись: «Facta sunt potentiora verbis».¹ Символ же, который находился над фигуркой охотника, стерся окончательно, но я знаю точно, что это был не крест. И не полумесяц. И уж тем более не одна из звезд: ни пятилучевая, ни шести-, ни восьми-. Я знаю, что знак был другим.

Иначе бы он не исчез.

Медальон лежит на столе, и я не свожу с него глаз. Я не люблюсь – он не настолько совершенен. Не прикидываю, сколько он может стоить, – я не продам раритет даже в случае крайней нужды. Я просто смотрю на человека с копьем.

О чем я думаю в эти мгновения?

Ни о чем.

Ни о чем...

* * *

Возможно, некоторые из вас сочтут, что я не самый лучший кандидат на должность рассказчика этой истории. И в чем-то они окажутся правы. Вышло так, что я принимал участие далеко не во всех описываемых событиях, поэтому половина моего рассказа – выдумана, а половина оставшегося – смоделирована. Размышляя над тем, что произошло тогда в Москве, и составляя из известных фактов связную историю, мне пришлось опираться не только на свои воспоминания, но и на оговорки, замечания и пересказы некоторых других участников событий, на их ответы на мои вопросы. В то же время, учитывая обстоятельства, я не могу быть уверен в искренности всех собеседников. Динке доверять можно, а вот Вуриц и Артур, возможно, утаили от меня истинную суть происходящего, скрыли мотивы, которыми они руководствовались в действительности.

Но винить их не следует.

Вполне вероятно, что им самим известно ненамного больше.

Но сия предательская мысль посетила меня уже после всех событий. А в те часы, о которых пойдет речь, я смотрел на происходящее совсем другими глазами. И потому хочу сказать: что бы вы обо мне ни думали, сколь бы ни морились оттого, что именно я расскажу вам эту историю, главное заключается в том, что я верю в свой рассказ.

Я видел немного, но я видел.

¹ Дела сильнее слов (лат.).

* * *

Дождь мыл город второй день подряд. За грязным оконным стеклом – холодные капли почистили лишь внешнюю его сторону – едва угадывались неприветливые дома. Чужие дома. Неродные. Некрасивые линии угрюмых коробок сами по себе могли вогнать в депрессию, а тут еще и дождь. Непрекращающийся. Льющий как из ведра.

Осень, черт бы ее побрал. Снова осень.

И опять нелюбимое время года застало его в чужом городе.

Вурц отчаянно ненавидел осень: умирающие, тускнеющие краски, падающие на голову листья, налетающий из ниоткуда ветер, злой, пронзающий насквозь, и холод, от которого невозможно укрыться. Зима – другое дело. С ней все понятно: она белая. Мир спит, набирается сил, и зимнюю стужу Вурц принимал как должное. Весна радостная, дарующая новые надежды, заставляющая улыбаться даже заостренного скептика. Лето – веселье. Все вокруг дышит полной грудью. А вот осеннее безвременье угнетало. С приближением сентября Вурц всегда старался оказаться в каких-нибудь теплых краях, чтобы переждать тоскливую пору в странах вечных пальм и ласкового солнца. К сожалению, он не был себе хозяином, и здравый смысл частенько требовал от Вурца избегать теплых земель.

И приходилось мириться с проклятой осенью.

И смотреть на чужие города через грязные оконные стекла.

А если еще и сам город не вызывал ничего, кроме глухого раздражения, то Вурцу становилось совсем плохо.

Как сейчас, например.

В этом городе мрачней даже сны,
Неспособные избавить от тоски,
Тяжелее они каменных темниц,
Нет надежды, нет спасенья, падай ниц...

Из подъезда стоящего напротив дома выскочили две девушки, сразу же раскрыли яркие зонты и со всех ног побежали к автобусной остановке. Шлепали по лужицам, осыпая друг друга брызгами грязной воды. Возможно – смеялись. Нет, вряд ли. В этом городе нечасто смеются. Жители его по большей части сердиты и сосредоточены, они не радуются каждому новому дню, а принимают его с угрюмой обреченностью.

Словно кто-то заставляет их жить.

– Москва, – громко произнес Вурц. Подумал и сказал чуть иначе: – Масква.

Именно так, «Масква», говорят аборигены. Особенности местного диалекта и без того непростого языка. Пишется «Москва», произносится «Масква», иначе поймут, что ты чужак, закроются в раковине души и примутся изучать тебя с холодной подозрительностью. И тогда не будет контакта, а лишь недоверие. «Масква!» А ведь есть еще окончания, приставки, суффиксы... Безумие! При всех своих колоссальных способностях к изучению новых языков Вурц с трудом продирался сквозь правила русского. Сколько раз он бывал в этой стране? Десять? Четырнадцать? И всякий приезд начинался с мучительных попыток вспомнить проклятый язык, которые обязательно заканчивались ноющей головной болью. «Масква!» Но Вурц не мог себе позволить отличаться от туземцев.

– Масква. – Пауза. – Малако. – Пауза. – Иди суда.

Какие муки приходится испытывать, чтобы оставаться незаметным! Идиотский язык, чудовищные люди, мрачный город...

И недовольный Сурн за стеной.

Тот почувствовал, что Вурц подумал о нем, и зарычал. Негромко, едва слышно, однако густой звук легко преодолел каменную преграду и добрался до самой души Вурца.

На мгновение стало холодно. Рычание недовольного Сурна всегда заставляло Вурца дрожать, словно от озноба. Не от страха, нет, он слишком давно был рядом с Сурном, именно от озноба. Голос походил на неожиданный порыв пронзительного ветра: он так же приносил злой холод.

Может, именно поэтому Вурц ненавидел осень?

– Потерпи, – прошептал Вурц. – Осталось недолго.

Сурн ответил рычанием. На этот раз оно звучало мягче, дружелюбнее, но все равно холодило душу. И в нем по-прежнему ощущалось недовольство. Сурн был голоден, а в такие минуты он плохо понимал, как следует себя вести. Сурн требовал: «Найди!», и его не волновало ничего больше.

«Найди пищу!»

Сурн забывал об осторожности.

И давно бы погиб, не будь рядом старого друга.

Вурц заставил себя не думать о голодном Сурне, потер озябшие руки, медленно отошел от окна и вернулся к письменному столу, на котором в рабочем беспорядке были разбросаны астрологические таблицы, несколько старых книг и пергаментных свитков.

«Найди пищу!!»

«Не волнуйся, Сурн, я все сделаю...»

* * *

Этот эпизод показался вам реалистичным? Напрасно. Вот он-то как раз из тех, что я выдумал от первого до последнего слова. Да и как иначе? Я ведь никогда не был знаком с Вурцем, он не откровенничал со мной и уж тем более не приглашал в свой дом. Точнее: в свой очередной дом. Образ жизни Вурца не позволял ему подолгу засиживаться на одном месте. Сорванным с ветки листом катился он по странам и континентам, оставляя за собой страшные следы. Смуглая кожа Вурца, черные густые волосы и темные глаза навели меня на мысль, что он выходец из теплых стран, а потому вряд ли ему нравилось в холодном климате северных земель. И пара фраз, которые Вурц обронил в разговорах со мной, подтвердила мою правоту.

Зато следующего участника событий, Артура Горюнова, я могу описать гораздо точнее. Так получилось, что с ним мы провели куда больше времени.

* * *

– Вы можете не беспокоиться, Артур, если девушка действительно находится в городе, мы ее найдем.

– Поверьте, Илья Константинович, я полностью доверяю вам и не раз убеждался в ваших профессиональных качествах, – негромко ответил хозяин дома. – Но нынешняя просьба необычайно важна для меня... Это во-первых. А во вторых, она кажется мне весьма сложной. Отыскать человека в десятиmillionном городе... Я волнуюсь.

– Напрасно, – спокойно произнес сидящий в кресле мужчина. – Учитывая сумму, которую вы готовы потратить на поиски, нахождение девушки – вопрос времени. Ее будут искать все. – И веское окончание: – Я гарантирую результат.

Мужчина, которого хозяин дома назвал Ильей Константиновичем, говорил очень уверенно. Он явно привык, что его словам доверяют с первого раза, а потому собеседник счел нужным извиниться:

– Прошу вас, не обижайтесь. Я действительно волнуюсь.

Илья Константинович позволил себе легкую улыбку:

– Ничего страшного, Артур, я понимаю, что человек, далекий от нашей кухни, не способен представить возможности спецслужб. Вы дали фоторобот и серьезные средства. Этого вполне достаточно. Вот уже два часа девушку ищут по всем компьютерным базам данных, в архивах институтов и предприятий. К полуночи фотография окажется у каждого участкового милиционера, у каждого патрульного, у охранников каждого ночного клуба. Помимо государственных структур, я подключил два крупных детективных бюро, через которые информация поступит...

– Можете не продолжать, – кивнул хозяин дома.

Артур понимал, что Илья Константинович не скажет вслух о том, что его связи позволяют обратиться за помощью к уголовному сообществу. Положение, которое занимал седой мужчина, заставляло его следить за своей речью.

– Я удивлюсь, если мы не найдем девушку к завтрашнему полудню.

– Еще раз прошу меня простить за выказанное недоверие.

– Спите спокойно, Артур, завтра вы обязательно встретитесь со своей ненаглядной.

Иногда Илья Константинович позволял себе пошутить.

Проводив гостя до машины, Артур вернулся в дом, но направился не в гостиную, где принимал Илью Константиновича и где теперь накрывали легкий ужин, а в расположенный на втором этаже кабинет. Стальная дверь в комнату запиралась на электронный замок, настроенный на отпечаток пальца хозяина. Окна в помещении отсутствовали. Стены покрывали резные дубовые панели, под которыми скрывались стальные листы: кабинет Артура был полностью изолирован от внешнего мира.

– Полдень... Не слишком ли поздно?

Артур подошел к письменному столу и задумчиво перебрал лежащие на нем таблицы.

Три дня корпел он над ними, стараясь вычислить очередную жертву Сурна. Три дня расчетов и поисков, во время которых ему удалось поспать не более двенадцати часов. Три дня напряженной работы, и, наконец, последний ритуал, позволивший ему увидеть лицо девушки. Затем последовала встреча с художником, создание, со слов Артура, портрета незнакомки и обращение к Илье Константиновичу, к человеку, способному заглянуть в самые темные московские закоулки.

Все сделано правильно, ошибки быть не может, но... Время.

Время!

Сурн почувствовал голод почти сутки назад, и Вурц сразу же начал поиск. А его способности значительно превосходят умение Артура. Вурцу достаточно нескольких часов, чтобы понять, кто нужен Сурну на этот раз, а значит, он ищет девчонку на двенадцать, а то и на восемнадцать часов дольше. К тому же его подгоняет впадающий в бешенство Сурн.

Время!!

На стороне Артура Илья Константинович и поднятые им на ноги люди. Вурц никогда не обращается за помощью, он осторожен, он ищет сам. Кто успеет первым?

Что может быть хуже томительного ожидания? Особенно когда знаешь, что от тебя уже мало что зависит? Ничего. Только горечь поражения.

Проигрывать Артур не собирался. Не имел права. А чтобы победить, нужно быть в форме. Илья Константинович сказал: «Завтра». Значит, есть время на отдых. Артур положил в карман пузырек со снотворным, вышел из кабинета и направился в гостиную. Ужинать и спать. Завтра надо быть в форме.

* * *

Теперь, как мне кажется, пришло время рассказать о том, кого искали Вурц и Артур, – о Динке. Возможно, я покажусь вам излишне многословным и вы решите, что я напрасно уделяю столько внимания этой девушке, но по-другому я не могу. Наша с Динкой история проста и незамысловата, подобных ей – тысячи, но для меня она важна, поскольку является частью моей жизни.

И еще. Если о Динке не расскажу я, то о ней не расскажет никто, и она навсегда останется просто девушкой, которую искали Вурц и Артур. Безымянной, безликой и невезучей девчонкой. Я не могу этого допустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.